

Я. А. Ленцман

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

В последнее время вопрос о роли товарного производства в древности привлекает к себе внимание многих историков. Отправной точкой исследования в этой области должно быть, положение И. В. Сталина о том, что товарное производство не представляет собой «... нечто самодовлеющее, независимое от окружающих экономических условий»¹; роль товарного производства меняется в зависимости от общего характера той или иной формации. В частности, товарное производство «... существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его, однако не привело к капитализму. Оно существовало при феодализме и обслуживало его, однако, несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму»².

В советской историографии древнего мира изучению особенностей товарного производства при рабовладельческом строе до сих пор уделялось очень мало внимания³. При анализе этой проблемы прежде всего важно определить условия зарождения и возникновения товарного производства. В данной статье предпринимается попытка определить предпосылки и условия этого явления на конкретно-историческом материале древней Греции.

Исследование специфики простого товарного производства в античности является одной из наиболее трудных и сложных проблем древней истории. Трудность ее изучения заключается прежде всего в характере дошедших до нас источников. В данной связи достаточно ограничиться лишь несколькими наиболее яркими примерами. Как известно, античные авторы в подавляющем большинстве обращали очень мало внимания на вопросы производства. Только немногие произведения писателей древности, как, например, «Труды и дни» Гесиода или «Домострой» Ксенофонта, дают более или менее развернутую характеристику экономики своего времени.

Значительную помощь в деле изучения производства оказывают увеличивающиеся с каждым годом данные эпиграфики. Однако сами надписи

¹ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 15.

² Там же.

³ Только в последнее время появились первые исследования и статьи по этому важному вопросу: см. передовую статью ВДИ, 1953, № 3 «О натуральном хозяйстве и товарном производстве в рабовладельческом обществе»; ср. Ф. Я. Полянск и й, О товарном производстве в условиях феодализма, ВИ, 1953, № 3, стр. 40—60.

не могут дать полной картины состояния товарного производства какого-либо общества. Здесь достаточно указать хотя бы на пример эллинистического Делоса. Несмотря на наличие около трех тысяч надписей, датированных в основном относительно кратким промежутком в два с половиной столетия, несмотря на открытие более сотни исключительно ценных больших текстов, представляющих собой подробные финансовые отчеты гиеропсеев (управителей) делосского храма Аполлона¹, все же мы не встретим в них буквально ни одного упоминания, например, о рабстве и работорговле Делоса. А между тем свидетельство Страбона (XIV, 5, 2) недвусмысленно указывает, что главной основой экономического развития острова в конце II — начале I в. до н. э. была торговля громадными массами рабов. Таким образом, даже многочисленные надписи далеко не всегда рисуют более или менее точную картину производства и степени его товарности. Для изучаемого в данной статье раннего периода истории древней Греции количество надписей вообще незначительно, а содержание дошедших до нас немногочисленных текстов почти не связано с экономикой.

Археологические данные дают много конкретных сведений о материальной культуре общества, но при современном состоянии историографии древней Греции лишь в самых общих чертах характеризуют экономический строй и товарное производство общества, к которому они относятся. Здесь, очевидно, дело не столько в количестве и качестве источников, сколько в органических пороках буржуазной археологии, представители которой занимались прежде всего кладоискательством вместо того, чтобы изучать памятники, характеризующие экономику того или иного общества. Весьма поучительным примером являются наши сведения о критском и микенском обществах II тысячелетия до н. э. Несмотря на громадное количество богатейших археологических находок, все же мы вынуждены теперь ограничиваться лишь самыми общими утверждениями о ранне-рабовладельческом характере социально-экономических отношений в критском и микенском обществах. Несмотря на наличие нескольких десятков исследований по критской и микенской культуре, все же среди них нет ни одного труда, в котором был бы подвергнут изучению тот круг вопросов, который, например, столь тщательно исследован советским исследователем Б. А. Рыбаковым в его труде «Ремесло древней Руси». Невозможность дать основанную на источниках социально-экономическую характеристику критского и микенского обществ серьезно ограничивает возможность изучить товарность их производства.

Таким образом, недостаточное освещение вопросов экономики в отдельных группах дошедших до нас источников очень затрудняет изучение не только роли, но даже и возникновения товарного производства в древности; окончательное решение этого сложного вопроса возможно только путем привлечения всех групп источников и комплексного их исследования.

Таковы, в основном, трудности, вытекающие из наличия или состояния разработки источников. Но затруднения этого порядка встречаются в той или иной степени при исследовании почти любой из крупных проблем экономики рабовладельческих обществ. Однако, кроме указанных затруднений, изучение и правильное решение вопросов истории товарного производства очень осложняется дополнительными специфическими трудностями именно этой проблемы. Притом специфика дошедших до нас источников такова, что значительную часть данных о производстве приходится по-

¹ Корпус делосских надписей (*Inscriptions de Délos*, Paris, 1926—1937 гг., включительно с XI томом *Inscriptiones Graecae*) охватывает 2879 текстов, в том числе 127 отчетов гиеропсеев; подробный обзор этого издания см. в работе: Н. Н. З а л е с к и й, Делосские надписи, ВДИ, 1946, № 3, стр. 133—140. После издания этого корпуса было найдено лишь небольшое количество новых надписей на Делосе.

лучать косвенным путем из сведений, сообщаемых античными авторами о торговле, о распространении тех или иных предметов и т. д. Дело в том, что какие-либо конкретные выводы о характере товарного производства могут быть сделаны лишь в результате комплексного изучения уровня развития производительных сил, и производственных отношений данного общества. Таким образом, попытка решить вопрос о товарном производстве может быть предпринята только в качестве завершающего этапа исследования всей экономики изучаемого общества на определенной ступени его развития.

В буржуазной науке вопрос о специфике товарного производства в древнем мире по существу даже и не ставился. Предметом острой полемики в буржуазной историографии был важный, непосредственно связанный с проблемами товарности производства, но все же более частный вопрос о роли торговли. Только этот, подчеркиваем, частный вопрос, составляющий лишь один из аспектов да к тому же и несамый важный, проблемы товарного производства в древности, обсуждался многими буржуазными историками и экономистами на протяжении трех десятилетий — с конца 90-х годов прошлого столетия вплоть до начала 30-х годов нашего века. В противовес циклистской концепции Эд. Мейера, считавшего, что Греция и Рим в период своего максимального подъема переживали капиталистическую фазу развития¹, К. Бюхер утверждал, что экономическое развитие древности характеризуется очень слабым развитием торговли и что экономика античности носила в основном «оikosный» характер². В первые два десятилетия нашего века большинство «авторитетов» стало на точку зрения Эд. Мейера, взгляды которого были более непосредственно связаны с идеологией воинствующего империализма, надеявшегося найти в концепции циклизма идеологическое оружие против марксизма. В конце 20-х годов в защиту взглядов Бюхера выступил И. Хазебрэк³, что привело к новому, на сей раз кратковременному взрыву полемики по вопросу о роли торговли в древности. Хазебрэку возражали стоящие на модернизаторских позициях Э. Цибарт⁴ и др.

Каковы же общие итоги этой дискуссии в буржуазной историографии? Сторонники одной и другой концепции в значительной степени разоблачили взгляды своих противников. Выяснилось, что бюхерианцы игнорируют существование у некоторых народов древности довольно развитой для того времени торговли и совершенно не учитывают большого количества новых эпиграфических и археологических данных. Бюхер и его последователи, считавшие основным критерием экономического развития «длину пути», проходимого от производителя к потребителю, фактически игнорировали вопросы производства, замазывали эксплуататорскую сущность рабовладельческого строя и, отрицая существование первобытно-общинного строя, считали извечной частную собственность на средства производства. Реакционные концепции бюхерианцев были затем в значительной степени

¹ Ed. Meyer, *Kleine Schriften*, т. I—II, Halle, 1910, стр. 79—212; есть русский перевод двух вошедших в этот сборник статей; см. Эд. Мейер, *Экономическое развитие древнего мира*, М., 1923.

² К. Бюхер, *Возникновение народного хозяйства*, Птг., 1923; он же, *Очерки экономической истории Греции*, Л., 1924. К переводу первой из указанных работ приложено важное «Послесловие» акад. А. И. Тюменева, в котором дана развернутая критика концепции Бюхера.

³ J. Hasebroek, *Staat und Handel im alten Griechenland*, Tübingen, 1928; ср. также его следующую работу «*Griechische Staats- und Wirtschaftsgeschichte*», Tübingen, 1931; особенно предисловие, в котором Хазебрэк полемизирует с возражениями рецензентов его первой книги.

⁴ E. Ziebart, *Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland*, Hamburg, 1929.

подхвачены немецко-фашистской историографией античности, например Берве и другими.

С другой стороны, стало ясно, что аналогии с капитализмом, которые проводят модернизаторы, искажают подлинную картину исторического развития, крайне поверхностны и не соответствуют данным источников. Основной взгляд модернизаторов являлась столь же реакционная, как и теория бюхерианцев, концепция циклизма, отрицающая прогрессивное развитие человечества и считающая высшей точкой исторического развития капитализм. Эта теория должна была дать в руки дипломированных лакеев империализма еще одно оружие против марксизма, должна была «научно обосновать» невозможность победы рабочего класса в борьбе против эксплуататоров.

В общем итоге можно с полной уверенностью сказать, что ни та, ни другая теория не смогла не только решить поставленную проблему, но даже правильно подойти к оценке роли торговли в древности. Невозможность решения этой проблемы с методологических позиций буржуазной историографии стала теперь, повидимому, ясной даже буржуазным историкам древности. В настоящее время они — особенно это относится к представителям реакционной историографии — либо предпочитают вообще не касаться общих вопросов экономики античности, либо пытаются эклектически соединить диаметрально противоположные точки зрения. Так, например, в известной энциклопедии Паули-Виссова-Кролля статья «*Industrie und Handel*» написана умеренным бюхерианцем Франкоттом, а статья «*Sklaverei*» в той же энциклопедии — ярым сторонником Мейера Вестерманом; известный английский историк Лэстнер вообще предпочитает умолчать об этой полемике, ограничиваясь банальным утверждением, что в V в. до н. э. «промышленность и торговля, хотя и были более развиты, чем в архаический период, все же были меньших размеров, чем более развитая экономика эллинистической и греко-римской эпох»¹. Митчелл, посвятивший целых шесть страниц изложению содержания взглядов Хазебрэка, заканчивает свои рассуждения не менее «решительным» заявлением: «хотя мы, пожалуй, несогласны, или, быть может, лучше сказать, сомневаемся во многих положениях (Хазебрэка. — Я. Л.), все же нельзя не посчитаться с его трактовкой столь сложного вопроса»². Очевидно, ни один читатель книги Митчелла так и не сможет, в конце концов, определить, согласен ли автор с концепцией Хазебрэка или нет. В последние годы буржуазные историки вообще предпочитают воздерживаться от высказывания своих взглядов по вопросу о степени развития торговли в древности. Так, например, Г. Бенгтсон, автор справочного пособия по истории Греции, в известной серии «*Handbuch der Altertumswissenschaft*» И. Мюллера, упомянув об имевшей место полемике, «глубокомысленно» заключает: «Новый взгляд, несомненно, пошел на пользу научному познанию»³, так и не высказав своего мнения по существу вопроса.

Даже прогрессивные западноевропейские историки и особенно археологи, как Г. Чайлд, не в состоянии полностью освободиться от господствующего в буржуазной историографии преувеличения роли торговли и в наиболее ранние периоды истории. Выступая против реакционной теории миграционизма и резко полемизируя с немецко-фашистскими археологами, приписывающими все достижения человечества «нордической расе», Чайлд выдвинул концепцию постепенной диффузии достижений

¹ M. N. W. Laistner, A history of the Greek World from 479 to 323 B. C., L. 1947, стр. XIV.

² H. Mitchell, The economics of ancient Greece, Cambridge, 1940, стр. 230.

³ H. Bengtson, Griechische Geschichte, München, 1950, стр. 11.

культуры¹. В этой концепции важнейшую роль играет торговля, так как, по мнению Чайлда и его сторонников, как, например, Кларка², все эти достижения переносились от племени к племени прежде всего путем торговли. Даже для ранне-минойского периода (III тысячелетие до н. э.!) Чайлд постулирует существование купцов, отправлявших тюки с товарами на материк и клеймивших эти тюки фабричными печатями (ук. соч., стр. 52). Притом развитие торговли не ставится Чайлдом в связь с достигнутым уровнем общественного разделения труда и, таким образом, считается имманентным свойством уже наиболее примитивных обществ.

Итак, даже более частный вопрос о роли торговли в древности и тот никак не может считаться разрешенным в буржуазной историографии. Наоборот, наш обзор последних высказываний буржуазных историков фактически говорит об их отказе от самой постановки этой проблемы.

* * *

В. И. Ленин уже в одной из своих ранних работ «По поводу так называемого вопроса о рынках» дал следующее развернутое определение товарного производства: «Под товарным производством разумеется такая организация общественного хозяйства, когда продукты производятся отдельными, обособленными производителями, причем каждый специализируется на выработке одного какого-либо продукта, так что для удовлетворения общественных потребностей необходима купля-продажа продуктов (становящихся в силу этого товарами) на рынке»³. Это классически четкое определение должно, очевидно, лечь в основу любого исследования по вопросу о возникновении и развитии товарного производства в любой социальной-экономической формации.

Для решения вопроса о том, когда именно возникает товарное производство в ранней Греции, важна прежде всего правильная постановка проблемы. Для этого, на наш взгляд, необходимо исходить из степени развития производства, в первую очередь, из уровня общественного разделения труда. Уровень развития торговли является очень важным, но все же лишь дополнительным критерием наличия товарного производства.

Вполне очевидно, что возникновение товарного производства в той или иной степени связано с достижением относительно высокого уровня развития торговли. Так, например, забегая несколько вперед, мы должны, очевидно, признать наличие какой-то, хотя и довольно примитивной, торговли в гомеровском обществе. Однако такое признание столь же очевидно не дает нам никаких оснований считать, что в гомеровское время, когда мы имели «... еще в полной силе древнюю родовую организацию, но, вместе с тем, и начало подрыва ее»⁴ — существовало уже товарное производство.

Развитие торговли хотя и связано с товарным производством, все же не может полностью раскрыть его сущности. Для того, чтобы иметь основание говорить о товарном производстве, необходимо учитывать не только степень развития торговли, но и уровень общественного разделения труда. Характеризуя впервые возникшее в историческом развитии классовое общество, Энгельс определяет его, как ту ступень «... обще-

¹ Г. Ч а й л д, У истоков европейской цивилизации, М., 1952. Разбор концепции Чайлда см. в содержательном «Предисловии» А. М о н г а й т а к этой книге.

² G. C l a r k, Prehistoric Europe, L., 1952; ср. рецензию А. Я. Б р ю с о в а в ВДИ, 1953, № 3, стр. 130 сл.

³ В. И. Л е н и н, Соч., т. 1, стр. 77.

⁴ Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952, стр. 110.

ственного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета»¹. Одной из основных причин того тупика, в который зашла полемика между сторонниками Эд. Мейера и К. Бюхера по вопросу о роли торговли в древности, было именно то обстоятельство, что обе стороны ограничивались привлечением данных только о торговле, оставляя в стороне определяющий момент: развитие производительных сил и производственных отношений.

Таким образом, для того чтобы определить условия возникновения и развития товарного производства, мы прежде всего должны обратить внимание на значение общественного разделения труда. Именно таким единственно правильным путем решали этот вопрос Энгельс («Происхождение семьи, частной собственности и государства») и Ленин («Развитие капитализма в России»). В. И. Ленин подчеркивал, что «...основой товарного хозяйства является общественное разделение труда... При натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц... и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению. При товарном хозяйстве создаются разнородные хозяйственные единицы, увеличивается число отдельных отраслей хозяйства, уменьшается число хозяйств, производящих одну и ту же хозяйственную функцию»².

Таким образом, развитие товарного производства определяется прежде всего наличием и уровнем общественного разделения труда. Каждое новое крупное общественное разделение труда предопределяло известные изменения в обмене и торговле. Уже первое крупное общественное разделение труда — выделение пастушеских племен из остальной массы населения — создало «... все условия для обмена между членами различных племен, для его развития и упрочения как постоянного учреждения»³. Однако появление обмена было лишь одной из необходимых предпосылок развития товарного производства. Хозяйство пастушеских, равно как и земледельческих, племен, несмотря на наличие обмена, было, несомненно, натуральным хозяйством. И те и другие племена обменивали лишь излишки своих продуктов.

Только связанное со значительным ростом производительных сил второе крупное разделение труда — отделение ремесла от земледелия — вызвало к жизни «... производство непосредственно для обмена, — товарное производство...»⁴. В самом деле, если земледelec и скотовод сами потребляли основную массу своих продуктов и обменивали только излишки, то ремесленники, в условиях существования частной собственности, должны были производить почти исключительно на продажу. С другой стороны, приобретение земледельцами ремесленных изделий также должно было усиливать элементы товарности в земледелии. Все же не следует полагать, что выделение ремесла из земледелия сразу же привело к товарному производству. В том же месте Энгельс указывает, что при втором общественном разделении труда производство для обмена и торговля возникают «... однако еще в весьма неразвитом виде» (разрядка моя. — Я. Л.).

Дело в том, что отделение ремесла как специальной отрасли производства от земледелия — процесс сравнительно длительный. В ранне-греческом обществе, даже если абстрагироваться от микенского времени, этот

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 180 сл.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 15.

³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 165.

⁴ Там же, стр. 169.

процесс происходил, по крайней мере, в течение 500 лет, с XI по VI в. до н. э. Рассматривая этот процесс с точки зрения его воздействия на становление товарного производства, мы должны будем выделить в нем, как минимум, два этапа: 1) ремесленное производство на заказ, соответствующее примерно гомеровскому обществу, и 2) ремесленное производство на рынок. Только на втором этапе процесса выделения ремесла можно предполагать существование товарного производства.

Говоря о наличии ремесла как одной из предпосылок товарного производства, мы должны сделать одну важную оговорку. Речь здесь идет о ремесле, развивающемся в условиях возникновения частной собственности на средства производства и относится в основном к Греции. Исторически засвидетельствованное ремесленное производство во многих древневосточных странах, очевидно, развивалось своими путями, и его связь с зарождением товарного производства несколько иная, чем в древней Элладе.

Таким образом, в Греции лишь появление третьего крупного общественного разделения труда, совпадающее во времени с переходом ремесла к производству на рынок и происходящее в период перехода от первобытно-общинного к рабовладельческому строю, — лишь возникновение общественной прослойки, которая «...занимается уже не производством, а только обменом продуктов»,¹ — является достаточным историческим критерием и одновременно условием существования товарного производства.

В самом деле, только возникновение товарно-денежных отношений, происходящее одновременно с зарождением и начальным развитием определенной социальной группы торговцев, может, на наш взгляд, считаться не только необходимым, но вместе с тем и достаточным показателем наличия товарного производства. Энгельс определенно указывает, что «ступень товарного производства, с которой начинается цивилизация, экономически характеризуется: 1) введением металлических денег, а вместе с тем и денежного капитала, процента и ростовщичества; 2) появлением купцов как посреднического класса между производителями; 3) возникновением частной собственности на землю и ипотеки и 4) появлением рабского труда как господствующей формы производства»². Только наличие всех этих четырех указанных Энгельсом моментов свидетельствует о существовании в том или ином конкретно-историческом обществе товарного производства.

Отсюда с полной очевидностью следует, что нет никаких оснований говорить о существовании товарного производства в условиях первобытно-общинного строя. Применительно к этому строю можно говорить лишь о создании предпосылок для возникновения, или, в лучшем случае, о зарождении товарного производства. Существование же такого производства засвидетельствовано только в рабовладельческом обществе. Все предшествующие изменения в способах и размерах обмена продуктов являются, с точки зрения изучаемой проблемы, по существу лишь предисторией товарного производства.

Сделанные выше наблюдения об условиях возникновения товарного производства никоим образом не претендуют на исчерпывающее освещение этой проблемы. Параллельно прогрессу общественного разделения труда и в тесной зависимости от него происходили изменения в производственных отношениях, развитие которых явилось второй предпосылкой появления товарного производства. В приведенном нами выше высказывании Энгельса, которое всесторонне и полностью характеризует возникшее товарное производство, последние два из четырех моментов полностью по-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 171.

² Там же, стр. 183.

священы или тесно связаны с производственными отношениями; это: 1) возникновение частной собственности на землю и ипотека, и 2) появление рабского труда как господствующей формы производства.

В самом деле, развитие производительных сил при первобытно-общинном строе неизбежно должно было вести и вело к появлению элементов новых производственных отношений рабовладельческого типа, к зарождению частной собственности на средства производства, в первую очередь на рабов и землю, к постепенному ограничению, а в некоторых странах и к вытеснению общинной собственности частнособственническими рабовладельческими производственными отношениями. Этот процесс шел более медленно и так и не был доведен до конца к моменту возникновения классового общества в древневосточных обществах, но продвинулся значительно дальше в странах классического рабовладения. Можно даже сказать, что именно это обстоятельство было одной из основных, если не решающей причиной быстрых темпов развития классической Греции.

Ведь именно «...новые производственные отношения являются той **главной** и решающей силой, которая собственно и определяет дальнейшее, притом мощное развитие производительных сил и без которых производительные силы обречены на прозябание...»¹. Новые рабовладельческие производственные отношения в передовых полисах Греции и в Риме, основанные на частной собственности на землю и рабов, не встретившие на пути своего внедрения и распространения столь сильной преграды, как древневосточная община, значительно быстрее восторжествовали над первобытно-общинной формой собственности и предопределили в начальный период своего существования относительно быстрое и мощное для рабовладельческого строя развитие производительных сил.

Таким образом, для того чтобы определить условия и время возникновения товарного производства в древней Греции, мы должны будем, наряду с анализом развития общественного разделения труда, в равной мере привлечь и данные об изменениях в производственных отношениях, конкретнее говоря, проследить зарождение и развитие частной собственности на землю и распространение применения рабского труда вплоть до времени его превращения в господствующую форму производства.

Данная нами характеристика зависимости товарного производства от уровня общественного разделения труда является в значительной степени схематичной и, очевидно, как каждая схема, не может быть приложена ко всем обществам древности. Конкретно-историческое развитие отдельных племен и народов могло идти своими путями. Так, например, значительные коррективы в наши выводы должно внести длительное существование общинного ремесла в ряде древневосточных обществ. И все же, несмотря на все ее недостатки, приведенная выше схема обусловленности степени развития товарного производства достигнутым уровнем общественного разделения труда, появлением частной собственности на землю и развитием рабовладения дает, на наш взгляд, вполне надежные критерии для стоящей перед нами задачи — изучения предпосылок и условий возникновения товарного производства в древней Греции.

* * *

В настоящее время очень трудно высказать какие-либо решительные суждения о степени развития товарного производства в микенской Греции. Правда, теперь, благодаря продолжающимся раскопкам, о микенской культуре можно судить не только на основании памятников материальной

¹ И. С т а л и н, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 61.

культуры самих Микен, Тиринфа и одного-двух других относительно крупных центров. Раскопки в Кораку, Зигури, Евтресис, Мальги, на Крите, Кипре, в Малой Азии и Сирии значительно восполнили и во многом уточнили наши сведения о микенской культуре. И все-таки у нас еще далеко недостаточно данных для окончательных выводов по вопросу о товарном производстве того времени. Поэтому высказываемые ниже соображения будут носить в силу необходимости только сугубо предварительный характер. Притом необходимо оговорить, что они относятся только к периоду расцвета микенской культуры, примерно с XVI по XIII в. до н. э.

Среди находок микенского времени в количественном отношении на первом месте стоит, несомненно, керамика. Число керамических находок и ареал их распространения столь велики, что именно эта группа памятников дает наиболее надежную основу для датировки отдельных периодов микенской культуры, с точностью иногда даже до четверти века¹. Применение гончарного круга, впервые отмеченное для Греции в Микенах среднеэлладского периода (около 1600 г. до н. э.), создало технические предпосылки для быстрого роста гончарного производства. В позднеэлладский период, еще даже до падения талассократии Крита, микенская керамика быстро распространяется по всему Восточному Средиземноморью. Только для ПЭ (поздне-элладского) II периода, датируемого XV в. до н. э., отмечены находки микенской керамики в Трое, на Родосе, в Угарите, Палестине, в большом количестве в Египте (Амарна)². К следующему (ПЭ III) периоду относятся находки гончарных печей в Фивах, в Бербати под Микенами и гончарной мастерской в Зигури³. Вряд ли можно считать случайным, что все эти находки, свидетельствующие о развитии местного гончарного производства, относятся именно к данному периоду. Несомненно именно в ПЭ III период имел место значительный рост гончарного производства в обществах микенской культуры.

Наличие всех этих данных позволяет сделать вывод об относительно значительном развитии гончарного ремесла. Правда, нельзя полагать, что все находимые археологами керамические изделия микенского типа производились на продажу. Часть их, как, например, амарнские вазы, несомненно, были подарками фараонам; другие могли быть и, вероятно, действительно были, изготовлены на месте греческими мастерами, проживавшими в Угарите⁴ и других местах. Однако столь широкое распространение микенской керамики по всему Восточному Средиземноморью, повидимому, не могло обойтись совершенно без участия торговцев. С другой стороны, наличие гончарной мастерской в Зигури дает возможность предполагать существование каких-то элементов зарождающегося местного товарного производства.

¹ См. A. F u r u m a r k, *The Mycenaean pottery*, Stockholm, 1941. В этой работе Фурумарк датирует, например, период Мус. ПВ временем от 1450 по 1425 г. до н. э.

² Уэйс и Блеген в 1939 г. определили, как изделия микенской керамики ПЭ I и II периодов, 19 ваз, найденных в Египте и ранее считавшихся произведениями критских мастеров; цитирую по Н. Л о р и м е р, *Homer and the Monuments*, L., 1950, стр. 14.

³ С. W. B l e g e n, *Zygouries, A prehistoric settlement in the valley of Cleonae, Cambr., Mass.*, 1928, стр. 30—38. Склад керамики, датируемый ПЭ III периодом, состоял из четырех помещений общей поверхностью ок. 300 м². В одном из них (стр. 33) найдено 500 кубков, 75 тарелок, 20 кувшинов и несколько десятков чашек и других сосудов; в других помещениях найдено несколько сот киликов, большая часть которых еще не была раскрашена. Блеген предполагает, что все эти помещения представляли собой кладовую местного начальника поселения и что керамика была предназначена на продажу и даже экспорт (стр. 221 сл.).

⁴ См. М. Л. Г е л ь ц е р, *Материалы к изучению социальной структуры Угарита*, ВДИ, 1952, № 4, стр. 35.

В современной буржуазной, особенно англо-американской, историографии принято безоговорочно приписывать распространение одного и того же типа керамики только торговле. Так, например, даже не принадлежащая к ярким модернизаторам Лоример считает, что уже ранне-элладские племена (вторая половина III тысячелетия до н. э.) «вели активную торговлю» (were devoted to commerce, стр. 5). Наличие минийской желтой посуды в ранних слоях Трои VI таким же путем превращается ею не больше, не меньше как в показатель «экспансии среднеэлладской торговли» (стр. 12). Вполне очевидно, что такие утверждения никак не обоснованы данными источников, а вытекают только из убеждения буржуазных ученых в извечности капиталистических отношений и непонимания своеобразия отдельных эпох развития человечества. Между тем известно, что одни и те же виды глиняной посуды, даже не изготовленной на гончарном круге, часто встречаются на очень большой территории. Это явление может быть объяснено культурными заимствованиями, расселением ремесленников и другими факторами. Совсем необязательно приписывать распространение одного и того же типа керамики развитию торговых отношений. Говорить с уверенностью о торговле можно только на основании данных об общественном разделении труда. Таковых нет, да и быть не может для весьма примитивного по уровню развития производительных сил раннеэлладского, а вероятно, и среднеэлладского периодов, когда на территории Греции еще не применялся гончарный круг.

Все же о наличии относительно развитого ремесла в позднеэлладский период свидетельствует не только керамика, но и вооружение. Вряд ли возможно было без ремесленников-специалистов производство различных типов больших щитов. В микенском поселении в далеком Угарите обнаружены следы литейной мастерской середины XIV в., производившей довольно большое количество мечей¹. Шведская экспедиция, раскапывавшая Мальту (Дорион) в Мессении, обнаружила следы кузницы с заготовками из бронзы и железа. Кузница датируется по памятникам керамики ПЭ III периодом (XIV—XIII вв. до н. э.)². Многочисленные предметы вооружения (щиты, шлемы, латы, поножи, мечи и т. д.), описанные в гомеровском эпосе и засвидетельствованные на многих изображениях микенского времени, также, несомненно, предполагают существование относительно дифференцированного ремесленного труда.

Некоторое влияние на развитие торговли должно было оказать упомянутое нами выше распространение микенской керамики вплоть до Сирии и Египта. Значительные микенские колонии, несомненно, существовали в Памфилии и на Кипре, не говоря уже о более близких: Милете, Колофоне, Родосе и Самосе. Наличие многочисленных предметов из янтаря в наиболее поздних III, IV и V шахтовых гробницах также может свидетельствовать о каких-то, возможно, торговых связях с районами Прибалтики.

Все же было бы опасным делать из приведенных нами фактов вывод о существовании товарного производства в Микенах. Микенские археологические памятники свидетельствуют прямо лишь о наличии относительно развитого ремесла. Известные нам ремесленные мастерские, как например, в Фивах, Зигури, чаще всего находятся при дворцах правителей. Выводы о торговле сделаны на основании косвенных данных и носят в значительной степени гипотетический характер. Отношения собственности микенского времени нам почти неизвестны. Исключительно богатые, изобилующие золотыми предметами, поздние шахтовые гробницы резко выде-

¹ L o r i m e r, ук. соч., стр. 153.

² Л о р и м е р (ук. соч., стр. 112) считает, что эта мастерская относится не к микенскому, а к субмикенскому времени.

ляются по своему инвентарю среди однообразных бедных погребений остального населения ПЭ II и III периодов. Отсутствие сведений о чеканке какой-либо монеты не дает в настоящее время основания утверждать с полной уверенностью наличие товарного производства в Греции XVI—XIII вв. до н. э.

Данные о трех-четыре столетиях, прошедших со времени крушения микенского общества до начала VIII в., очень скудны. Все же имеющиеся факты говорят против существования товарного производства в Греции этого времени. Археологические памятники намного более скудны, чем для предшествующих столетий. Если не считать незначительных находок в субмикенских слоях самих Микен и некоторых других старых центрах поздне-элладской культуры, основным источником для характеристики этого времени являются находки из Саламинского некрополя и из Афин, где за последние два десятилетия, благодаря успешным раскопкам района Керамика, количество находок значительно увеличилось.

Прежде всего для этого периода характерно отсутствие более или менее крупных поселений городского типа. До сих пор археологи не открыли ни одного центра, который хотя бы в некоторой степени был аналогичен Микенам или Тиринфу¹. Керамика субмикенского, прото-, ранне- и даже «зрелого» геометрического (*Reifgeometrisch*) стилей² представлена в значительно меньших количествах, да и по качеству исполнения во многом уступает аналогичным микенским изделиям. Очень мало встречается богатых погребений, и их инвентарь не идет ни в какое сравнение с находками предыдущего периода. В Саламинском некрополе раскопано около сотни погребений; все они подобны друг другу; кроме скелетов в скорченном положении, в них найдены вазы субмикенского типа, несколько фибул и булавок. Предметы иностранного происхождения на Саламине не обнаружены. Несколько богаче оказался некрополь района Керамика в Афинах. Раскопки 30-х и 40-х годов вскрыли здесь большой некрополь XII—IX вв. В захоронениях, в основном однотипных с саламинскими, найдено большое количество фибул и шпильек, что свидетельствует о смене типа одежды по сравнению с микенским временем. Кроме того, здесь обнаружены железные и бронзовые кольца, железный меч субмикенского типа и немного привозных вещей (украшение из слоновой кости и три золотые спирали). В одновременном некрополе из Врокастро на Крите, кроме обычного инвентаря, найдено было несколько имитаций скарабеев и фаянсовых шариков. Орнамент керамики дает возможность определить этот период как время возникновения и развития геометрического стиля.

На протяжении всех этих столетий, повидимому, полностью отсутствовали связи материковой Греции с неэллинским миром. Только на вазах поздне-геометрического стиля (VIII в.), особенно в Аттике, начинают появляться изображения кораблей и морских сражений. Находки финикийского происхождения отмечаются для Греции послемикенского времени впервые в Эгинском кладе, датируемом, повидимому, первой половиной VIII в.³ Именно в это время вновь устанавливаются торговые связи между

¹ Это, очевидно, вовсе не является делом случая, как пытается доказать известный археолог-востоковед W. F. Albright, *Some Oriental Glosses on the Homeric Problem*, *AJA*, 54 (1950), № 3, стр. 162—176, а свидетельствует об отсутствии таких центров на территории Эллады в первые века I тысячелетия до н. э.

² Л о р и м е р (ук. соч., стр. 41 слл.) датирует протогеометрический период 1100—950 гг., ранне-геометрический — 950—850 гг. и «зрелый» геометрический — 850—800 гг.

³ Предметы из Тиринфского клада, которые Каро относил к субмикенскому периоду, повидимому, более раннего происхождения (*Logimet*, ук. соч., стр. 67).

финикийцами и греками¹. То же можно сказать и относительно Египта с XII и вплоть до VIII в. до н. э. Не найдено до сих пор ни египетских изделий в континентальной Греции, ни протогеометрической и геометрической керамики в Египте.

Итак, отсутствие городов, внешних торговых связей и более или менее значительного имущественного расслоения свидетельствуют об отсутствии товарного производства и даже о некотором регрессе по сравнению со временем расцвета микенской культуры. Все же переход к использованию железа создавал предпосылки для дальнейшего развития производительных сил. В частности, можно утверждать, что уже в этот период ремесло отделяется от земледелия, это можно вполне отчетливо проследить по данным гомеровского эпоса. В недавно опубликованной статье Блегена² сообщаются данные о раскопках одного из погребений на Афинской агоре в 1949 г. В этом погребении наряду с несколькими сосудами протоили ранне-геометрического стиля найдены были следующие предметы из железа: два топора, два наконечника копья, два ножа, крюк и даже удила. Здесь же находился и специальный оселок. Несомненно, что в этом погребении был захоронен ремесленник-кузнец. Относительное обилие предметов из железа в столь раннее время (начало IX в.). свидетельствует о начавшемся отделении ремесла от земледелия.

Состояние наших источников значительно улучшается, начиная с грани IX и VIII вв. до н. э. Исключительно богатый материал для характеристики этого периода дают прежде всего «Илиада» и «Одиссея». В данной связи важно прежде всего указать на уровень развития общественного разделения труда — основной предпосылки товарного производства. Как известно, гомеровское общество отличалось довольно значительным развитием и земледелия и скотоводства. Показательна хотя бы дифференциация терминов, обозначающих пастухов: здесь и свинопасы и козоводы, пастухи коров и овец (συβάται, αἰπόλοι, ὑφορβοί, βώτορες, βούκοι, ἐπιβούκοι). С другой стороны, гомеровское σίτος означало не только хлеб, как в классическое время, но вообще еду в противопоставлении к напиткам³, что, несомненно, свидетельствует о значительной роли земледелия.

Меньше, чем скотоводство и земледелие, были развиты ремесла, но и они прошли уже довольно значительную эволюцию. Как известно, у Гомера упомянуты кузнецы (χαλκεύς), золотых дел мастера (χρυσόχοος), кожевники (σκυτοτόμος), гончары (κεραμεύς), плотники (τέκτων), пряхи (χρηῆτις) и некоторые другие ремесленники⁴. Они всегда свободны; о невысоком уровне развития ремесла свидетельствует полное отсутствие упоминаний о рабах-ремесленниках. Как правило, ремесло пользуется почетом. Поэт почти всегда называет с уважением имя мастера, изготовившего какой-нибудь искусно сделанный ценный предмет. Знанием ремесла гордятся и басилеи.

¹ Белох в одном из экскурсов ко второму изданию первого тома его «Griechische Geschichte» (Die Phoeniker am Aegaeischen Meer) правильно возражает против необоснованных предположений о колонизации финикийцами Эгеиды в начале I тысячелетия. Это полностью подтверждается последующими археологическими раскопками.

² C. W. Blegen, Two Athenian grave groups of about 900 B. C., «Hesperia», 1952, стр. 279—294.

³ Ср. II, IX, 706; XIX, 306; Od., III, 479; IV, 746; IX, 87; X, 58 и т. д. Глагол σίτῳ также означает прием пищи вообще, а не только хлеба.

⁴ В работе Бухгольца (E. Buehholz, Die homerischen Realien, тт. I—III, 1871—1884; т. II, 1, стр. 166—168) выдвигается предположение, что суффикс -εως обозначал ремесленников-профессионалов, в отличие от суффикса -ος, обозначавшего временные и случайные занятия отдельными ремеслами. Однако это предположение встретило всекие возражения со стороны Гиро (P. Guiraud, La main d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce, P., 1900, стр. 20).

Однако дифференциация ремесленного труда еще не достигла высокого уровня. Эпос не знает даже специального термина для обозначения ремесленников как таковых. Эпическое *δημιουργός*, в отличие от более позднего аттического *δημιουργός*, обозначало не ремесленников в современном и даже в античном понимании этого слова, а только людей, выполняющих общественно-полезные функции, как, например, прорицателей, врачей и певцов (Od., XVII, 382 сл.). Гомеровское *τέκτων* почти всегда относится только к мастерам, работающим по дереву, а не к ремесленникам вообще. Слабая дифференциация ремесла видна хотя бы из того, что два щита, очень подобных и по использованному материалу и по технике изготовления (бычья шкура, покрытые бронзовой пластиной), в одном случае (щит Аякса Теламонова — II, VII, 220 сл.) делает *σκυτοτόμος*, а в другом (щит Сарпедона — XII, 294 сл.) — *χαλκεύς*. Очевидно, четкого разделения труда между этими отраслями ремесла еще не было¹. «Златоискусник» Лаэрк (Od., III, 425) несколькими строками ниже называется кузнецом. Его орудия производства называются *ἔπλα*, так же как и Гефеста (II, XVIII, 409 и 412); однако корабельные снасти тоже называются *ἔπλα*. Плотники строят дома (II, VI, 315; XXIII, 713; Od., XVII, 340), корабли (Od., IX, 126 сл.), делают стулья (Od., XIX, 57) и т. д.

Ремесленники редко работают у себя дома, в собственных мастерских. Единственной такой мастерской является кузница (Od., VIII, 273; XVIII, 328). Дома также работает, повидимому на заказчика, кариянка или менийка, которая «пурпуром красит слоновую кость и нащечники эти в доме своем сохраняет» (II, IV, 142 сл.)². Прочие ремесленники работают в домах заказчиков³. Это, как правило, странствующие мастера⁴. Весьма показательное отсутствие в эпосе каких-либо признаков конкуренции между ремесленниками.

Таким образом, для гомеровского общества характерно происшедшее уже разделение труда между скотоводством и земледелием и происходящее отделение ремесла от земледелия; все же дифференциация отдельных видов ремесла находится еще в одной из начальных фаз; ремесленники работают на заказ, а не на рынок. Очевидно, уровень развития производительных сил гомеровского общества был далеко недостаточен для товарного производства.

Это положение подтверждается и данными эпоса о торговле. У Гомера нет даже термина для обозначения торговцев и самой торговли. Термины классического времени *κάπηλος* и *ναύκληρος* вообще не встречаются в эпосе; *ἔμπορος*, как известно, означает у Гомера только морских пассажиров. Обычно людей, занимающихся торговлей, называют *πρωκτεῖρες* (Od., VIII, 162), но тот же термин означает, например,

¹ Не учитывая слабой степени дифференциации ремесел в гомеровском эпосе, Лоример выдвигает предположение, что упоминание о кузнице, изготовившем щит Сарпедона, является реминисценцией позднего бронзового века (ук. соч., 183).

² Это обстоятельство не дает, однако, даже малейших оснований утверждать, подобно безудержному модернизатору Белоху (K. J. V e l o s c h, Griechische Geschichte, I², 1, 266), что здесь речь идет о работе для какого-то «милетского фабриканта», о чем нет ни слова во всем эпосе.

³ Нельзя согласиться с С. Я. Лурье, который вслед за Эд. Мейером заявляет: «в усадьбах аристократов работало большое количество свободных специалистов-ремесленников» (С. Я. Л у р ь е, История Греции, Л., 1941, стр. 81). Ремесленников в эпосе упоминается немного; они не работают постоянно на одном месте, а странствуют. Наконец, в ойкосах басилеев вообще нет постоянно там работающих свободных ремесленников.

⁴ Неплохой очерк состояния ремесла в гомеровском обществе дан в статье Е. Г. К а г а р о в а. Общественный строй греков гомеровской эпохи, СЭ, 1937, № 4, стр. 46—60.

в II., IX, 443, вообще исполнителей поручений, абсолютно на связанных с торговлей. Также и *πρῆξις* в Od., III, 72 и других местах имеет значение, близкое к латинскому *negotium*. На обращенный к нему вопрос Телемах говорит, что он едет по личному, а не по общественному делу (*πρῆξις ἰδίῃ οὐ δῆμιος*); *πρῆξις* в смысле торговли встречается впервые в послегомеровском Гимне Аполлону. Термин *ἀγορά*, который в классическую эпоху, начиная с Геродота, означал рынок, у Гомера употребляется только в смысле собрания, сходки.

Торговля ведется, за очень немногими исключениями, не континентальными греками, а финикийцами, тафийцами или критянами. Финикийцы славятся своими искусными ремесленными изделиями и дерзкой торговлей, тесно связанной с грабежами, пиратством, хищением взрослых и особенно детей. Не брезгают работорговлей и тафийцы. Из греков торговлей занимается только Евней, сын Ясона, с о-ва Лемноса.

Отличительной чертой торговли гомеровского времени является ее чисто меновой характер. Чтобы получить медь, тафийцы везут с собой железо (Od., I, 184; ср. XIII, 163). Евней обменивает привезенное им вино на медь, железо, скот или рабов (II, VII, 472—475). Образно и подробно описана финикийская торговля в рассказе Евмея (Od., XV, 403 слл.): финикийские мореплаватели, пристав к его родине — острову Сиросу (? = *Σύριη*), в течение целого года вели там обменную торговлю, продавая свои безделушки (*ἀθύρματα*) за ценное имущество (*πολὺν βίοντον*). Повидимому, часть такого рода безделушек дошла до нас в вышеупомянутом Эгинском и других кладах.

Таким образом, как археологические, так и литературные данные свидетельствуют о низком еще уровне торговли гомеровского времени¹, которая носила только обменный характер.

В гомеровское время заметен зато быстрый рост имущественного и социального расслоения. Место «однородности» общества, о которой мы вправе судить на основании косвенных свидетельств Саламинского и частично Керамикского некрополей, занимает явное разделение на общественную верхушку — родовую аристократию и на массу рядовых граждан, из которой выделяются ремесленники, метанасты, феты и нищие. Именно эти слои населения, а особенно владеющая большими богатствами знать, будут в следующий период одним из главных покупателей продуктов товарного производства.

Все же в гомеровском обществе, несмотря на прогресс общественного разделения труда, нет еще ни рынка, ни производства товаров. Продаются от случая к случаю только излишки продуктов.

Более высокий уровень общественного разделения труда, а следовательно, и дальнейший этап подготовки товарного производства мы можем наблюдать в источниках послегомеровского времени, датируемых VIII—началом VII в. до н. э. Наряду с произведениями Гесиода сюда следует отнести и большинство «Гомеровских гимнов», «Гомеровских эпиграмм», «Щит Геракла», а также многочисленные фрагменты из недошедших до нас полностью произведений Гесиода или произведений, ему приписываемых. Данные всех этих источников дают в общем и целом довольно яркую картину сдвигов, происходивших в ранне-греческом обществе того времени.

Это время характеризуется прежде всего ростом использования металлов. Железо решительно вытесняет бронзу в качестве основного вида

¹ Нельзя согласиться с В. С. Сергеевым, заявляющим в своем учебнике («История древней Греции», М., 1948, стр. 102), что «в походах ахейских басилеев под Троем торговые соображения играли далеко не последнюю роль». Абсолютно непонятно, какие торговые соображения имел в виду В. С. Сергеев и почему бы о них умолчал поэт.

сырья для орудий производства. В «Трудах и днях» железо упомянуто столько же раз, сколько медь и бронза (*χαλκός*), но последний термин почти всегда применяется для характеристики прошедшего времени, а железо — для обозначения орудий производства, современных поэту. Появляется новый термин *ἄδαμας*, в более позднее время обычно обозначающий сталь¹. О значительном интересе современников к усовершенствованиям в технике обработки железа свидетельствует и то, что древние писатели приписывали Гесиоду специальную поэму об обработке железа («Идейские дактили»²).

О дальнейшем развитии ремесла говорит и появление новых орудий производства и видов сырья, как, например, резца (*γλύφακος* — «Гимн Гермесу», 41), косы (*ἄρπη* — «Труды и дни», 573), латуни (*ορείχαλκος* — «Щит Геракла», 122) и т. д. Термины, обозначающие отдельные виды ремесла, примерно те же, что у Гомера, но зато они встречаются значительно чаще, и, главное, ремесло более отграничено от прочих отраслей производства, чем в эпосе. Впервые в это время говорится о каких-то взаимоотношениях между отдельными ремесленниками³. Гомеровский гимн Гефесту в значительной части посвящен возвеличению ремесла. В этом же гимне в качестве покровительницы ремесел выступает и Афина.

Все же не следует переоценивать развитие ремесла в непосредственно послегомеровское время. Насколько можно судить по литературным источникам, уровень его развития не многим еще отличался от предшествующего. Новых ремесленных специальностей все еще не появляется⁴. Отмеченное нами для этого времени развитие обработки металлов привело к серьезным сдвигам в ремесленном производстве только в последующий период. Об относительной неразвитости ремесла, как такового, ярко свидетельствует хотя бы то, что Гесиод как бы ставит гончаров и плотников на одну социальную ступень с нищими и певцами («Труды и дни», 25 сл.). Такое сопоставление полностью соответствует упомянутому месту из «Одиссеи» (XVII, 382—386), где были объединены под одним названием *δημιουργοὶ* прорицатели, лекари, певцы и ремесленники.

Следует все же помнить, что одни только литературные источники не могут дать достаточно полную картину развития ремесла в это время. Отсутствие упоминаний о новых ремесленных специальностях может быть делом случая. В Ионии и Коринфе ремесло было более развито, чем в Беотии. Наконец, развитие металлургии железа предопределяло само собой дальнейший прогресс в ремесленном производстве.

Значительное развитие в это время приобретают мореплавание и торговля. Хотя общественная прослойка купцов еще не возникла, однако именно во второй половине VIII — начале VII в. происходит поразитель-

¹ R. J. Forbes, *Metallurgy in antiquity*, Leiden, 1950, стр. 409; ср. стр. 439. У нас нет достаточно убедительных оснований считать, что под этим термином подразумевалась сталь уже во времена Гесиода. Все же, несомненно, *ἄδαμας* уже тогда означал отличный от обычного вид железа.

² P l i n., NH, VII, 56; Clem. Alex., Strom., I, 16, 75; Цитирую по изданию: Н. G. Evelyn-W h i t e, *Hesiod, The Homeric hymns and Homeric*, L., 1936.

³ Καὶ κεραιεὺς κεραιεὺς κότερι καὶ τέκτωνι τέκτωνι («Зависть питает гончар к гончару и к плотнику плотник» — «Труды и дни», 25).

⁴ Низкий уровень общественного разделения труда во времена Гомера и Гесиода выступает особенно отчетливо по сравнению с дифференциацией ремесленных специальностей в V в. до н. э. в Афинах. Здесь достаточно будет привести хотя бы неполный список ремесленников, упоминаемых Плутархом («Перикл», 12): «плотники, скульпторы, медники, каменщики, золотых дел мастера, размягчатели слоновой кости, живописцы, эмалировщики, чеканщики..., мореходы, кормчие, ... каретники, извозпромышленники, извозчики, канатчики, ткачи льняных материй, кожевники, дорожные рабочие, шахтеры, ... черноработчие» и т. д.

тельно быстрый рост обмена и торговли. Если эпосе торговлей занимаются в основном финикийцы, а о самой торговле говорится как о необычном и как бы «экзотическом» явлении, то у Гесиода и особенно в «Гимнах» место финикийской занимает уже собственно греческая торговля. Начало великой колонизации VIII — VI вв. также должно было значительно содействовать развитию торговли, так как, вне зависимости от земледельческого характера вновь основываемых колоний, все же имели место их торговые связи с метрополиями; кроме того социальная верхушка местных племен также была активной покупательницей греческих товаров. Все же следует иметь в виду, что в VIII в. колонизация была еще довольно незначительной¹, притом в колонизации участвовали в основном наиболее развитые экономически полисы, как Милет, Коринф и др.

Интересно отметить различное отношение к мореплаванию в произведениях, созданных в передовой для того времени Ионии (например, «Гимн Аполлону (Делосскому)» и др.) и в земледельческой Беотии. В первой группе источников мореходство и торговля считаются чем-то само собой разумеющимся и полезным. Гесиод же каждое упоминание об этих занятиях сопровождает предостережениями перед плаванием по морю, хотя и он, что особенно важно, признает необходимость мореплавания и торговли. Гесиод не любит моря, хотя и примирился с ним как с неизбежным злом; он считает мореплавание необходимым даже для крестьян. 77 строк — почти $\frac{1}{10}$ часть «Трудов и дней» — посвящены мореплаванию. Он даже советует Персу: «Малое судно хвали, но товары (φορτία²) грузи на большое; больше положишь товару — и выгоды больше получишь» (стк. 643 сл.) Знаком Гесиод и с понятиями торговли — ἐμπορίη (стк. 646) и барыша — κέρδος. У Гомера эти термины либо вовсе не встречаются, либо не связаны с настоящей торговлей. Если у Гомера более чем месячное отсутствие из дома считается необычным делом (II, II, 292), то Гесиод допускает плавание в течение почти двух месяцев поздним летом и, правда, с оговорками, даже весной (стк. 663 сл., 682 сл.).

Еще теснее с морем связана Иония. В восходящем, повидимому, к VIII в. гимне Аполлону (Делосскому) поэт, описывая благосостояние ионян, участников празднеств на Делосе, прежде всего обращает внимание «На корабли быстроходные их и на все их богатства» (стк. 155). Если у Гомера основным источником обогащения считается военная удача или пиратский набег, а у Гесиода упорный земледельческий труд, то в Ионии значительную роль начинают играть доходы от морской торговли. Не даром автор гимна Аполлону (Делосскому), восхваляя ионян, ставит рядом друг с другом корабли и богатства.

Даже в возникшем в дельфийских кругах гимне Аполлону (Пифийскому) поэт говорит без особого удивления о морском путешествии во круг Эллады; установление жречества в Пифийском святилище связывается с похищением критского торгового корабля, направляющегося из Кносса в Пилос «ради богатств и товаров» (ἐπὶ πρῆξιν³ καὶ χρῆματα — стк. 397=219). На «Щите Геракла», в отличие от его прототипа — щита Ахилла в «Илиаде», изображена «хорошо доступная гавань» (стк. 207). На относящихся примерно к тому же времени вазах поздне-геометрического стиля из Афин, как указывалось выше, большое место начинает занимать тематика, связанная с мореплаванием.

¹ См. Oehler, RE, ἀποικία; особенно сводную таблицу греческих колоний (стб. 2827—2835).

² Термин φορτίον, собственно говоря, означает не товар, а корабельный груз. Только в классический период этим словом начали обозначать товары. См. H. Liddell and R. Scott, A Greek-english lexicon, Oxf., 1940.

³ Этот термин как обозначение торговли впервые встречается в данном гимне.

Все рассмотренные нами источники свидетельствуют о том, что в VIII—VII вв. возникает и быстро развивается на основании прогрессирующего общественного разделения труда внутригреческая торговля. Ее развитию содействует быстрый рост частной собственности на средства производства и не менее быстрое имущественно-социальное расслоение ранне-греческого общества. Это расслоение проявляется в обогащении общественной верхушки, в развитии взяточничества, в появлении воровства, в страхе Гесиода перед нищетой и в целом ряде других аналогичных явлений¹. Важно отметить, что и в земледельческой Беотии товарные отношения постепенно проникают даже в крестьянскую среду. Гесиод говорит о провозе и продаже излишков урожая, о покушке рабыни, волов и т. д. Особенно показательны, что даже земля становится объектом купли-продажи. Поэт советует Персу, «чтоб покупал ты участок (*κλήρον*) других, не твой бы другие» (стк. 341). Это древнейшее в греческой литературе упоминание о продаже земли свидетельствует о переходе ее в частную собственность и о концентрации земельных участков в руках более богатых крестьян. Следует особенно подчеркнуть, что крестьянские клеры приобретают не только басилеи — знать, но и сами же крестьяне. Это свидетельство очень важно для характеристики социальных отношений времени Гесиода. Лейтмотивом многих гомеровских эпиграмм и гимнов является воспевание богатств (*πλοῦτος*, *χρῆματα*).

Однако крупные хозяйственные и общественные изменения этого времени все еще не могут расцениваться как доказательство существования товарного производства. Это, на наш взгляд, только период возникновения товарных отношений. Отсутствие ремесленного производства на рынок и товарности земледелия, четко оформленной социальной прослойки купцов, чеканной монеты, постоянно действующего рынка, а следовательно, и товарно-денежных отношений — все это не позволяет считать VIII век временем возникновения товарного производства. Все эти предпосылки были фактически созданы только в VII, а кое-где и в начале VI вв. до н. э.

Именно в это время происходят решающие сдвиги в ранне-греческом обществе. Технические усовершенствования, связанные с именами Главка Хиосского, который, как сообщает Геродот (I, 25), был «единственным изобретателем пайки железа», и самоспев Ройка и Федора, которые, по сообщению Павсания (VIII, 14, 9), впервые стали «плавить медь (или бронзу — *χαλκός*) и отливать статуи»², открыли путь к дальнейшему развитию и, что особенно важно, к дифференциации металлообработки и к появлению новых, не известных до того времени ремесленных специальностей. Изобретение монеты также предполагает относительно высокий уровень технических знаний в области обработки металлов. На это же время падает начало интенсивной разработки рудных богатств на территории эллинского мира. Если у Гомера мы ничего не слышим о добыче металлов из земных недр, а из «Теогонии» можно лишь предполагать существование этой отрасли производства, то уже в VII в., несомненно, разрабатывались многочисленные месторождения металлов, как, например, золотые прииски на Фасосе, медные рудники на Евбее, железо в Лаконии и т. д.³ Пример-

¹ Ввиду ограниченного объема журнальной статьи, мы не в состоянии здесь более обстоятельно рассмотреть весь комплекс социально-экономических отношений в ранней Греции.

² Здесь речь идет, очевидно, не об изобретении способа плавки бронзы, известном уже более тысячелетия, а об отливке полых статуй из расплавленной меди или бронзы.

³ См. O r t h, Bergbau, RE, Supplb. IV, стб. 116 слл. Вероятно, к этому же периоду относится и начало разработки Лаврийских рудников в Аттике. К с е н о ф о н т

но к тому же времени относится переворот в судостроении, выразившийся в переходе к постройке 50-весельных судов (Her., I, 163), что создало технические предпосылки для далеких путешествий вплоть до Тартесса¹. Улучшается техника строительства портовых сооружений; примером может служить хотя бы вызвавшая восхищение Геродота (III, 60) большая «земляная насыпь» на Самосе.

Большой прогресс можно отметить и в производстве керамики. В VII в. возникают протокоринфский, ранне-аттический и милетский стили. В этом же веке впервые наблюдается массовый экспорт греческой, в основном коринфской, керамики далеко на запад в Этрурию и даже Карфаген², где греческие сосуды, несомненно, были предметом импорта.

Весь этот значительный для условий рабовладельческого способа производства подъем производительных сил неизбежно должен был повести к дальнейшему развитию ремесла и его дифференциации, что, очевидно, в сильнейшей степени усиливало элементы товарности в производстве.

Параллельно и на базе развития ремесленного производства идет расширение торговли как внутренней, так и внешней. Если в VIII в. колонизация носила в основном аграрный характер, то к VII в. относится основание торговых колоний, как, например, Навкратиса (Her., II, 179) и др. Только развитием торговли можно объяснить относящийся именно к этому периоду расцвет неплодородной Эгиины (Strabo, VIII, 6, 16). Богатство Коринфа при Бакхиадах и Кипселе также было вызвано развитием торговли и ремесла (Strabo, VIII, 6, 20). Примеры такого рода можно было бы без труда многократно умножить.

Греч. ἔμπορος в смысле «торговец» впервые встречается у лириков Симонида и Эсхриона³. У лириков же ἀγορά часто означает не место сходки, как у Гомера, а базар или рынок; κατήλευται в этом же круге источников обозначает мелочную торговлю. Геродот уже четко различает морских торговцев ἔμποροι (II, 39; IV, 154) и базарных κατήλοи⁴. О степени развития рыночных отношений свидетельствует интересное наблюдение Кнорринги, что Геродот обозначает время суток терминами: «когда закрывается рынок» или «когда рынок переполнен». Интересно также пропущенное Кноррингой замечание Геродота (I, 153) об отсутствии рынков у персов и об их наличии у эллинов.

Важнейшим фактором и одновременно показателем быстрого развития товарно-денежных отношений является поразительно быстрое, чуть ли не молниеносное распространение чеканной монеты. В своем капитальном труде А. Н. Зограф выдвигает предположение о параллельном, независимо друг от друга и почти одновременном возникновении чеканки монет в начале VII в. в двух, а, возможно, и в трех центрах: Лидии, Эгиине и Киме⁵. Вне зависимости от того, насколько доказуемо это предположение, сам факт чуть ли не молниеносного распространения монеты в течение первого века ее существования на территории всего эллинского мира лучше всего

(Vect., IV, 2) говорит, что они разрабатываются с древнейших времен (πάνυ παλαιά), но вряд ли это время простирается вглубь дальше VIII в. до н. э. См. Oxford classical dictionary, Oxf., 1949, s. v. Laurium.

¹ А. В. Мишулин, Античная Испания, М., 1952, стр. 16 сл.

² R. M. Cook, Ionia and Greece in the eight and seventh century B. C., JHS, LXVI (1946), стр. 81. Здесь же см. археологическую библиографию вопроса.

³ Подборку мест о торговле того времени см. у Н. Knorringa, Emporos, Amsterdam, 1926, стр. 16 сл.

⁴ Knorringa, ук. соч., стр. 23 и 26.

⁵ А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, XVI, М.—Л., 1951, стр. 24. Примерно тем же периодом (около 700 г.) датируют изобретение монеты и большинство западноевропейских нумизматов. Сводку различных гипотез по этому вопросу см. в указанной работе Cook, стр. 90, прим. 188.

иллюстрирует как необходимость появления этого всеобщего эквивалента, так и степень развития товарно-денежных отношений в ранней Греции.

Нами рассмотрены далеко не все факты, содействовавшие развитию товарного производства в VII в. Наблюдающийся в это время значительный рост городского населения неизбежно должен был вести к усилению товарности греческого земледелия. Расслоение и обнищание крестьянства, долговая кабала, в значительной степени вызывавшиеся возниканием товарного производства, также должны были содействовать увеличению емкости внутреннего рынка, так как они, ухудшая положение широких масс крестьянства, все же вовлекали их в круг товарно-денежных отношений и теснее связывали их с рынком. Комплексное воздействие всех этих факторов предопределило быстрое развитие простого товарного производства в последующее время.

Таким образом, только в VII в. до н. э. в результате длительного, прошедшего ряд этапов, развития в передовых полисах Греции осуществились те четыре, момента которые Энгельс считал характерными для товарного производства. Именно в это время: во-первых, распространяются металлические деньги и возникает денежный капитал; во-вторых, появляется посреднический класс купцов; в-третьих, развилась частная собственность на землю и, в-четвертых, рабский труд превращается в господствующую форму производства.

Необходимо отметить, что товарное производство не возникло одновременно на территории всей Эллады. Очевидно, оно возникло раньше в более развитых центрах Ионии (в Милете), а также в Коринфе. Вероятно, здесь оно возникает в самом начале VII в. В других, отсталых районах Эллады товарное производство возникло несколько позже. В Аттике, повидимому, оно существовало примерно со времен Солона. Только конкретное изучение ранней истории каждого из полисов может уточнить время возникновения в нем товарного производства в его специфической для рабовладельческого способа производства форме.

